

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9

DOI: 10.17223/23088451/13/25

И.С. Дроздов

СТРУКТУРА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО РЕЦИДИВА ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В результате анализа структуры криминологического рецидива лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам, не связанным с лишением свободы, сделаны выводы о вероятностном влиянии характера предшествующего преступления виновного на новое его преступление, если оно совершено. Выявлены качественные особенности криминологического рецидива по сравнению с «первичной» преступностью.

Ключевые слова: альтернативные наказания, осужденные без лишения свободы, криминологический рецидив.

Статистика последних десяти лет свидетельствует о расширении назначения судами наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, имеет место стабильное, хотя и незначительное снижение удельного веса осужденных к реальному лишению свободы (с 32,8% в 2007 г. до 27,9% в 2017 г.)¹ [1, с. 120]. Таким образом, более 70% осужденных ныне не лишаются свободы.

Такая практика, в принципе, отвечает современной тенденции либерализации уголовной политики, направленной прежде всего на «экономии» уголовной репрессии путем сокращения реального лишения свободы. Это происходит посредством применения как условного осуждения, так и реальных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

За последние восемь лет более чем на треть уменьшилась доля осужденных к лишению свободы условно (с 40% в 2009 г. до 25,3% в 2017 г.). Правоприменительная практика все более опирается на такие реальные альтернативные наказания, как исправительные работы (рост с 5,2% в 2009 г. до 7,8% в 2017 г.), обязательные работы (с 7,5% в 2009 г. до 18,3% в 2017 г.), ограничение свободы (с 0,95% в 2010 г. до 3,6% в 2017 г.) [Там же]. Следует также отметить некоторое сокращение на протяжении трех лет удельного веса осужденных к штрафу (с 15,7% в 2014 г. до 13% в 2017 г.) [Там же].

Таким образом, среди альтернативных мер ныне превалируют исправительные и обязательные работы, ограничение свободы, штраф и лишение свободы условно. Данное обстоятельство делает все более актуальной проблему повышения их эффективности.

Совершение нового преступления имеющим судимость лицом (криминологический рецидив)² свидетельствует не только о том, что цели наказания не были достигнуты, но и о сравнительно большей устойчивости криминальной направленности личности преступника. Поэтому показатели криминологического рецидива мо-

гут служить важным критерием как эффективности уголовного наказания, так и организации его исполнения.

К числу важных качественных характеристик упомянутого рецидива относится его структура. В одном ее значении структура рецидива – это соотношение между преступлениями, совершенными одним и тем же лицом. В ней отражается антиобщественная направленность или иные устойчивые дефекты личности упорного правонарушителя в различные годы его жизни [2, с. 65–68]. Здесь структура рецидива является отражением «криминальной биографии» рецидивиста [3, с. 179–180].

В другом значении структура рецидива может быть представлена как соотношение между отдельными частями всей совокупности повторных (рецидивных) преступлений, совершенных лицами, осужденными без реального лишения свободы. Выделение этих групп возможно по целому ряду признаков, отсюда в структуре рецидива можно выявить его разные виды по интенсивности, характеру, специализированности. В свою очередь, эта структура может быть выявлена применительно не ко всей совокупности совершенных новых преступлений, а в зависимости от видов наказаний, характера предыдущих преступных посягательств, возраста преступников.

Структура рецидива характеризуется типичными переходами от одних преступлений к другим, частотой повторения одних и тех же общественно опасных деяний в случае продолжения преступной деятельности, связями между преступлениями [2, с. 66]. Таким образом, изучение структуры криминологического рецидива при осуждении без лишения свободы предполагает качественный анализ преступлений, совершенных лицами, осужденными к наказаниям без изоляции от общества.

В целях анализа зависимости структуры криминологического рецидива от характера предшествующих преступных посягательств проведено выборочное исследование 2 560 лиц, отбывавших наказания и иные меры, не связанные с изоляцией от общества (штраф, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы, условное осуждение) впервые и прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций и службы судебных приставов (в случае исполнения наказания в виде штрафа) Томской, Новосибирской и Кемеровской областей в 2014–2016 гг. Выбор такого периода объясняется необходимостью изучения

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

² В соответствии со ст. 86 УК РФ лицо, осужденное условно считается судимым до истечения испытательного срока, лица, осужденные к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, – по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания.

постпенального рецидива как минимум в течение года с момента снятия с учета в УИИ, прекращения исполнительного производства в ФССП.

На каждого осужденного, включенного в статистическую выборку, на основании его личного дела заполнялась статистическая анкета, включающая в себя социально-демографические, уголовно-правовые, уголовно-исполнительные характеристики осужденного.

Путем проверки полученных данных о каждом осужденном через ИЦ УВД, ГУВД субъектов, баз «ИБД-Ф» (ОСК) устанавливалось, кто из находившихся на учете или после отбытия наказания вновь совершил повторное преступление; в анкете фиксировались дата совершения рецидивного преступления, квалификация, дата осуждения и назначенное судом наказание.

В итоге формировались группы лиц, совершивших и не совершивших преступления после постановки на учет или снятия с учета в уголовно-исполнительной инспекции, возбуждения исполнительного производства в случае исполнения наказания в виде штрафа, а также изучены основные признаки, которыми преступники обладали при постановке на учет и в течение срока исполнения уголовного наказания, испытательного срока при условном осуждении.

По данным, полученным в результате применения такой методики, средний уровень криминологического рецидива лиц, осужденных условно и к наказаниям, не связанным с лишением свободы, с момента осуждения и после отбытия наказания (снятия с учета) в течение одного года составил 24,2%.

Лица, совершившие повторное преступление с момента осуждения, нахождения на учете и в течение года с момента отбытия наказания (повторно осужденные), явились базой для расчета частоты тех или иных преступлений в структуре криминологического рецидива в зависимости от характера их первых преступлений.

В литературе можно встретить различные критерии классификации преступлений, например по признаку идентичности мотивов и целей преступных посягательств. Так, К.Е. Игошев, анализируя личность несовершеннолетних преступников, различал группы лиц, совершивших определенные преступления: грабежи и разбой; кражи и хищения; хулиганство; изнасилования, тяжкие телесные повреждения и убийства [4, с. 38]. П.Ф. Гришанин выделял следующие виды преступлений: кражи личного имущества граждан, хулиганство, грабеж, разбой, изнасилование, умышленные тяжкие телесные повреждения, умышленные убийства, прочие преступления [5, с. 37], В.Н. Кудрявцев предлагал выделять лиц, совершающих корыстные преступления, и лиц, совершающих насильственные преступления [6, с. 106].

Однако приведенные выше классификации не содержат четких критериев разделения преступных посягательств. Например, П.Ф. Гришанин и К.Е. Игошев объединяли в одну группу хищения независимо от способов их совершения.

При классификации преступлений, совершаемых лицами, осужденными без изоляции от общества, недостаточно только уголовно-правовой классификации. Безусловно, она представляет практический интерес для криминологии, но не во всем учитывает ее потреб-

ности, поскольку не рассматривает ряд закономерностей, важных в криминологическом плане. Ведь многие криминологически сходные по своей природе виды преступлений помещены в разные главы УК РФ; данная квалификация также не всегда учитывает такие важные признаки, как мотивация деяния, способ совершения, без которых достаточно полный криминологический анализ невозможен [7, с. 41].

Сказанное приводит к необходимости дальнейшего структурирования полученных данных путем классификации совершаемых рецидивистами преступлений, исходя прежде всего из присущей преступникам преступной мотивации. Именно ее характер и содержание позволяют глубже уяснить причины не только первого преступления, но и повторных преступных посягательств.

Мотив – важный критерий классификации видов криминологически значимого поведения, поскольку он занимает важное место в понимании механизма человеческого поведения, дает возможность глубже раскрыть сущность и значение других факторов деятельности, в том числе преступной [Там же].

В этой связи более обоснованно определить однородные и схожие по своему характеру и направленности преступные посягательства не только по их типичным и наиболее распространенным мотивациям, но и исходя из степени их общественной опасности, способа совершения. Удачная попытка такого рода была предпринята В.В. Городнянской при исследовании постпенитенциарного рецидива¹. В итоге наиболее часто совершаемые рецидивистами преступления были разделены на следующие группы:

Группа А – ненасильственные тайные корыстные имущественные преступления (ст.ст. 158 и 159 УК РФ);

Группа Б – насильственные открытые корыстные имущественные преступления (ст.ст. 161, 162, 163 УК РФ);

Группа В – корыстные преступления, не являющиеся хищениями (ст.ст. 166, 175, 228.1 УК РФ);

Группа Г – умышленные насильственные посягательства на жизнь и здоровье (ст.ст. 111, 112, 115, 116, 117, 119 УК РФ);

Группа Д – половые преступления (ст.ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ);

Группа Е – умышленные насильственные посягательства на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления (ст.ст. 213, 318 УК РФ);

Группа З – преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ст.ст. 228, 231, 232, 234, 238 УК РФ);

Группа И – умышленные ненасильственные посягательства на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления / здоровье населения (ст.ст. 222, 222.1, 223, 306, 307, 319, 322.2, 322.3, 325, 327 УК РФ);

Группа К – неосторожные преступления (ст.ст. 107, 109, 118 УК РФ);

Группа Л – преступления против семьи и несовершеннолетних (ст.ст. 150, 151, 156, 157 УК РФ);

¹ Методика успешно была апробирована ранее также А.Ф. Зелинским, Л.М. Прокументовым, Л.В. Чуприной и другими авторами.

Группа М – экологические преступления (ст.ст. 256, 258, 258.1, 260 УК РФ);

Группа Н – преступления против безопасности движения (ст.ст. 264, 264.1 УК РФ).

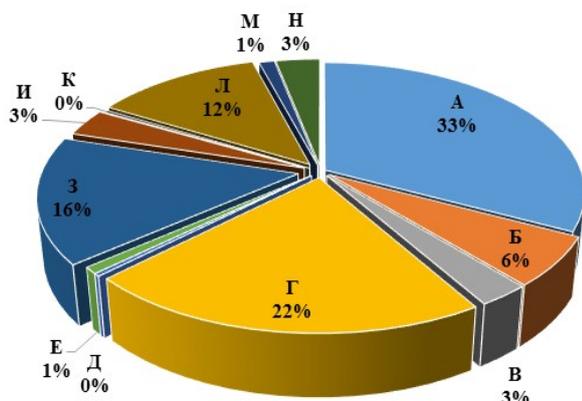

Рис. 1. Структура первичной преступности рецидивистов, ранее осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества

Можно предположить, что характер предшествующего преступления оказывает непосредственное влияние на тенденции развития будущего рецидива, т.е. структура криминологического рецидива зависит от характера предшествующих преступных посягательств. Данная гипотеза была проверена нами в ходе расчета соответствующих частот.

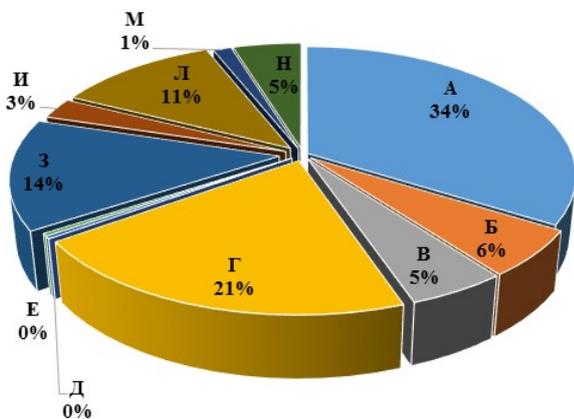

Рис. 2. Структура преступности рецидивистов, ранее осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, во второй судимости

Как видно из рис. 1, в структуре первичной преступности рецидивистов преобладают ненасильственные хищения (группа А). Их удельный вес составляет 33%. На втором месте находятся умышленные насильственные посягательства на жизнь и здоровье (22%), на третьем – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (16%), далее посягательства против семьи и несовершеннолетних (12%), преступления против безопасности движения (3%); на долю умышленных ненасильственных посягательств на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления приходится не более 3%, грабежей и разбоев – 6%, удельный вес экологических преступле-

ний и корыстных преступлений, не являющихся хищениями, составил 1% и 3% соответственно¹. Во второй судимости (рис. 2) незначительно возрастает доля краж (35%), грабежей и разбоев (6%), удельный вес насильственных посягательств на жизнь и здоровье (группа Г) уменьшился до 20%, а преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (группа Ж), остался неизменным (13%). Частота совершения умышленных ненасильственных посягательств на общественную безопасность, общественный порядок и порядок управления (группа И) сократилась в два раза (до 2%). При этом доля корыстных преступлений, не являющихся хищениями (группа В), напротив,кратно увеличилась (до 5%).

Таким образом, рассчитанные количественные показатели общественно опасных деяний свидетельствуют о том, что чем чаще встречается какое-либо преступление в структуре первичной преступности рецидивистов, тем больше при иных равных условиях его удельный вес в структуре криминологического рецидива, и наоборот.

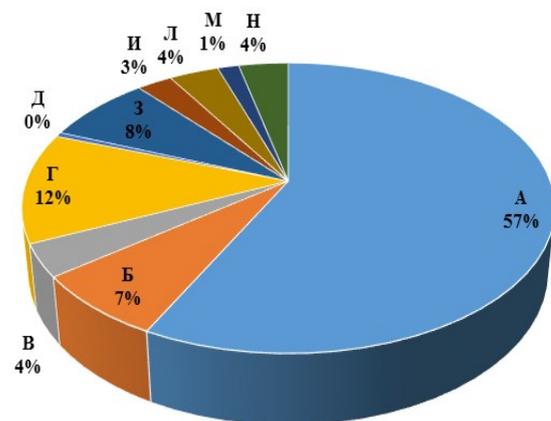

Рис. 3. Структура рецидива, начатого с ненасильственных хищений (кражи, мошенничество)

Небезынтересно проследить структуру криминологического рецидива в зависимости от характера ранее совершенных конкретных посягательств, за которые лица были осуждены впервые. Как видно из рис. 3, доля ненасильственных хищений во второй судимости воров составляет 57%, а грабежей и разбоев – 7%. Соответственно, совокупный коэффициент повторяемости хищений достигает 64%, что свидетельствует о большей степени устойчивости специального реци-

¹ Наши данные схожи с показателями, полученными ранее другими авторами. См., напр.: Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 49; Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 151; Пичугин С.А. Рецидив преступлений среди условно осужденных : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 150; Зайцева Д.Т. Криминопеналогические проблемы условного осуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 129; Рахмаев Э.С. Исправительные работы как вид уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 118; Тараленко К.Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 15; Старков О.В. Криминопеналогия. М. : Экзамен, 2004. С. 203–267; Комарицкий С.И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (вопросы методики). М., 1991. С. 25–40.

ва, начатого с краж¹. Удельный вес умышленных насильственных посягательств на жизнь и здоровье у бывших воров составил во второй судимости 12%. На наш взгляд, появление в структуре криминологического рецидива, начатого с хищений, умышленных насильственных посягательств свидетельствует о формировании у рецидивистов стойких асоциальных привычек насильственного характера, являющихся следствием паразитического образа жизни, отягощенного алкоголизацией, влекущих моральное разложение и деградацию личности.

В структуре рецидива осужденных за кражу имеет место относительная стабильность совершения преступлений группы З (как правило, она представлена преступлениями, связанными с незаконным приобретением и хранением наркотических средств – ст. 228 УК РФ) – 8%. По-видимому это объясняется тем, что у значительной части рецидивистов имеются проблемы с социализацией. Сказывается и разложение их волевых качеств, обусловивших неспособность избавиться от пагубных привычек, в том числе к наркотическим средствам. Доля иных преступлений (группы В, Е, И, К, Л, М, Н) в повторной преступности бывших воров и мошенников невелика и не превышает уровня, обычного для иных категорий рецидивистов, что позволяет сделать вывод об отсутствии стохастической зависимости этих преступлений и краж.

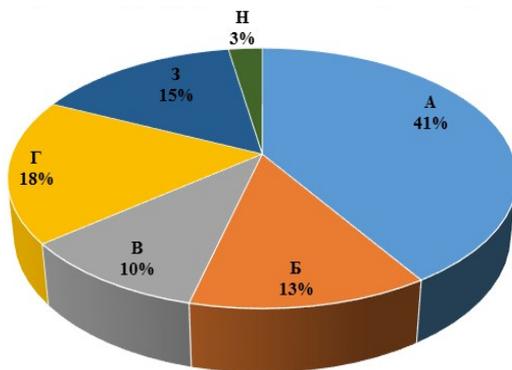

Рис. 4. Структура рецидива, начатого с грабежей и разбоев

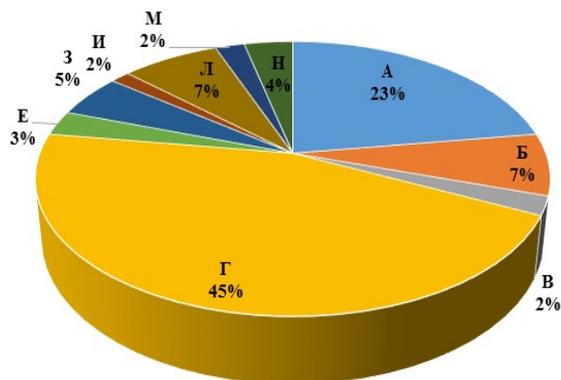

Рис. 5. Структура рецидива, начатого с насильственных преступлений против жизни и здоровья

Структура криминологического рецидива, начатого с грабежей и разбоев (рис. 4), подтверждает установленные выше тенденции частого повторения корыстных имущественных преступлений. Совокупный удельный вес преступников, совершивших впервые грабеж и разбой и вновь совершивших однородные преступления, составляет во второй судимости более половины (54%); из них 13% приходится на грабежи и разбои, 41% – на кражи и мошенничество. Совокупная доля иных разнородных с хищениями посягательств составляет 46%. Она представлена умышленными насильственными посягательствами на жизнь и здоровье (18%), умышленными посягательствами против здоровья населения и общественной нравственности (15%), корыстными преступлениями, не являющимися хищениями (10%), преступлениями против безопасности движения (6%)².

Как видно из рис. 5, рецидивист, осужденный ранее за умышленное насильственное посягательство на жизнь и здоровье, в случае повторного осуждения отвечает за аналогичное преступление в 45% случаях. Доля краж, грабежей в совокупности составляет во второй судимости 30%. Обращает на себя внимание и высокий уровень дифференциации рецидива, составившего во второй судимости 25%, который представлен практически всеми выделенными нами группами преступлений.

В криминологии под специальным рецидивом следует понимать совершение однотипных, тождественных преступлений, которые квалифицируются по какой-то одной статье УК РФ [8, с. 50–55]. В научной литературе он оценивается как наиболее опасная форма рецидива, поскольку зачастую свидетельствует о слиянии рецидивной и профессиональной преступности, являясь проявлением специализации преступной деятельности, является неким индикатором более устойчивой антисоциальной направленности личности преступника. Как указывал А.М. Яковлев, однородность совершаемых преступлений говорит о повышенной степени общественной опасности рецидивиста [9, с. 102].

Однако вряд ли можно судить об общественной опасности криминологического рецидива исходя исключительно из однородности преступлений, совершаемых лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Представляется правильной точка зрения В.В. Городнянской, полагающей, что необходимо учитывать характер самого преступного деяния, вред, причиняемый преступной деятельностью лица, иные показатели [7, с. 106].

Как показало исследование, структура криминологического рецидива осужденных, совершивших насильственные преступления против личности (группа Г), более многообразна по сравнению со структурой рецидива преступников, совершивших хищения. Так, доля разнородных с преступлениями группы Г посягательств во второй судимости составляет более половины (55%), из которых 23% приходится на кражи, 7% – грабежи и разбои, 7% – преступления против семьи и

¹ Ранее аналогичные данные получены С.И. Комарицким. См.: Комарицкий С.И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (вопросы методики). М., 1991. С. 34–35.

² Аналогичные выводы сделаны С.И. Комарицким. См.: Комарицкий С.И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (вопросы методики). М., 1991. С. 34–35.

несовершеннолетних, в оставшихся 14% представлены практически все выделенные нами группы иных преступлений. По-видимому, одной из причин перехода к общему рецидиву является ситуационный характер насильственных преступлений, которые, как правило, совершаются на бытовой почве, в результате ссор или скандалов, на почве личных неприязненных отношений вследствие злоупотребления алкоголем. По данным исследования, доля преступников, совершивших преступления группы Г в состоянии алкогольного опьянения, составляет 60,4%, 40,9% рецидивистов в период нахождения на учете злоупотребляли алкоголем в быту и имели отрицательную характеристику.

При этом частота совершения однородных преступлений, связанных прежде всего с причинением различной степени тяжести вреда здоровью, составляет без малого 44%. Причиной этому, как указывал О.В. Старков, может являться наличие устойчивой агрессивной криминогенной мотивации, свойственной насильственным преступникам и являющейся внутренней причиной преступного поведения [10, с. 268]. Подтверждением является и то, что среди указанной массы рецидивистов, вновь совершивших насильственные преступления, преобладают лица, ранее уже судимые за данные посягательства. Таковых оказалось более трети (32%), из них за тяжкие и особо тяжкие преступления 47,2%. По-видимому, для данной категории преступников отбытие наказания за первое преступление никак не способствовало их исправлению. Соответственно, наказания, не связанные с изоляцией от общества, за совершение указанных преступлений, особенно тяжких, должны применяться к таким преступникам с особой осторожностью.

В структуре криминологического рецидива лиц, осужденных за кражи, грабежи и разбои, более выражена преступная специализация, т.е. эти преступники-рецидивисты с большим постоянством совершают те же преступления, за которые они уже были осуждены. Так, частота совершения краж у преступников, осужденных за кражи, во второй судимости составляет 57%, на иные однородные по мотивации (корыстные) преступления приходится 11%, удельный вес иных разнородных с кражами посягательств во второй судимости составляет 32%. Объяснением этому может служить заслуживающая внимания точка зрения В.В. Городнянской, полагающей, что присутствие в структуре рецидива второй судимости преступников, совершивших хищения, иных по характеру деяний объясняется спецификой самих хищений, которые «прокладывают путь» для совершения других по направленности общественно опасных посягательств и тем самым выступают в роли особого криминогенного фактора [7, с. 58].

В структуре рецидива при осуждении за преступления против здоровья населения и общественной нравственности отсутствует относительное постоянство основных показателей. Так, наряду с высокой степенью специализации рецидива (48%) отмечается и устойчивая дифференциация последнего, которая составляет 52% и представлена в основной массе корыстными преступлениями (34%): кражами (23%), грабежами и разбоями (3%), корыстными преступлениями, не явля-

ющимися хищениями (8%). Думается, что высокий удельный вес корыстных преступлений в структуре рецидива объясняется прежде всего следствием пагубных привычек наркоманов, их зависимости от наркотиков, требующей значительных материальных затрат на их приобретение.

Небезынтересно проследить структуру криминологического рецидива применительно к отдельным наказаниям и мерам, не связанным с лишением свободы.

В структуре рецидива воров, осужденных к **штрафу**, доля специального рецидива составляет 55%. Однородные с кражами преступления, грабежи и разбои, во второй судимости составляют 16%. Таким образом, удельный вес специального рецидива при хищениях достигает 71%, что еще раз свидетельствует не только об устойчивых асоциальных взглядах рецидивистов, но и о преобладании корыстных мотивов в психологии преступников.

У осужденных к **обязательным работам**, начавшим свою преступную деятельность с ненасильственных хищений, в случае повторного осуждения частота краж и мошенничества (группа А) также составляет более половины (56%). Несмотря на отсутствие во второй судимости грабежей и разбоев, обращает на себя внимание немалый удельный вес насильственных преступлений против жизни и здоровья (20%). Структура криминологического рецидива осужденных к обязательным работам за насильственные преступления против жизни и здоровья является не менее разнообразной по сравнению со структурой рецидива бывших воров. Специальный рецидив здесь составляет 34%. Остальная часть приходится на иные преступления, где преобладают кражи и грабежи, совокупный удельный вес которых составляет 37%. Преобладание в психологии преступников, совершивших насильственные преступления против жизни и здоровья, корыстных мотивов можно объяснить их «паразитическим» образом жизни, поскольку, как показало исследование, 40,4% рецидивистов нигде не работают, соответственно, получение средств к существованию любым путем, пускай даже и преступным, становится для них нормой. Недаром многие криминологи еще три десятилетия назад отмечали, что нежелание трудиться представляет собой ярко проявляющееся свойство личности воров, объективно толкающее на совершение новых преступлений [11, с. 14].

У рецидивистов, ранее осужденных к **исправительным работам**, начавшим свою преступную карьеру с краж, в случае повторного осуждения частота хищений составляет 60%, удельный вес иных однородных с кражами и мошенничеством посягательств (грабежи и разбои) отмечен на уровне 15%. Таким образом, доля совокупного специального рецидива хищений составляет 75%. Для преступников, начавших свою преступную деятельность с посягательств против семьи и несовершеннолетних, характерна высокая специализация (63%), что говорит о недостаточной эффективности уголовного наказания в виде исправительных работ для указанной категории преступников.

Структура рецидива осужденных к **ограничению свободы** за насильственные преступления против жизни и здоровья характеризуется большей степенью

дифференциации. На долю общего рецидива приходится 47%, при этом внушительная доля представлена различными хищениями (19%; кражи, грабежи). Специальный рецидив – более половины (53%).

При новом осуждении преступники, **осужденные условно** за ненасильственные хищения, отвечают за кражу в 56% случаях. Частота осуждения за однородные с кражами преступления, грабежи и разбои, во второй судимости составляет 9%. Таким образом, совокупный удельный вес хищений составляет 65%.

Структура рецидива условно осужденных, совершивших впервые насильственные хищения, менее дифференцирована. Частота повторного осуждения преступников за грабежи и разбои составляет 12%, что не превышает среднего удельного веса (13%) лиц, начавших свою преступную деятельность с насильственных корыстных посягательств. Совокупная доля повторяемости хищений во второй судимости грабителей составляет более половины (52%), что еще раз подтверждает установленные выше тенденции повторения однородных с ними посягательств.

Для структуры рецидива осужденных условно за насильственные преступления против жизни и здоровья характерна высокая степень его дифференциации. Доля совершения ими иных преступлений при рецидиве составляет во второй судимости 61%, где значительное место принадлежит различного рода хищениям (39%). Специальный рецидив здесь – менее половины (39%). В структуре рецидива условно осужденных наркоманов удельный вес общего рецидива составляет

во второй судимости 54%, причем большая часть приходится на хищения (23%). Однако стоит отметить, что среди указанной группы преступников-рецидивистов более четверти (27%) на момент осуждения имели наркозависимость, и более половины (51,8%) были замечены в употреблении наркотиков в период нахождения на учете. Это не могло не отразиться на структуре их рецидивной преступности. В ней доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (специальный рецидив), составляет немногим менее половины – 46%, более трети из которых (37,4%) было учинено в течение полугода с момента осуждения.

Таким образом, рассчитанные статистические частоты тех или иных противоправных деяний явно свидетельствуют о том, что первые (предшествующие) преступления влияют на структуру рецидива, если таковой имеет место, порождают следующие основные закономерности исследуемого криминологического явления.

В структурах криминологического рецидива после осуждения за кражи, преступления против семьи и несовершеннолетних (как правило, представлены уклонением от уплаты алиментов) имеет место высокая доля специализации (от 57 до 63%), т.е. рецидивисты после осуждения с большим постоянством нарушают ту же норму уголовного закона. Структура рецидива, начатого с умышленных насильственных посягательств на жизнь и здоровье, отличается большей дифференциацией и, соответственно, переходом к общему рецидиву, что объясняется ситуационным характером таких преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 239 с.
2. Зелинский А.Ф. Структура рецидива // Правоведение. 1979. № 5. С. 65–68.
3. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М. : МГУ, 1969. 232 с.
4. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения : учеб. пособие. Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. 168 с.
5. Гришин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву : учеб. пособие. М. : РИО Акад. МВД СССР, 1974. 150 с.
6. Кудрявцев В.Н. Структура преступности и социальные изменения // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 102–107.
7. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2012. 165 с.
8. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 50–55.
9. Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М. : Наука, 1964. 223 с.
10. Старков О.В. Криминопенология. М. : Экзамен, 2004. 480 с.
11. Бышевский Ю.В. Кражи и их предупреждение : лекция. Омск : Изд-во Омск. ВШМ МВД СССР, 1979. 26 с.
12. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 151–154.

The Structure of Criminological Recidivism of Persons Convicted Without Imprisonment

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 126–132. DOI: 10.17223/23088451/13/25

Igor S. Drozdov, Shegarka District Prosecutor's Office (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: alternative sentences, persons convicted without imprisonment, criminological recidivism.

The statistics of the past ten years testify to the growing number of courts' sentences and other criminal law measures without isolation from society; more than 70% of convicts are not deprived of their liberty. This practice basically corresponds to the modern trend of criminal policy liberalization, aimed primarily at "saving" criminal repression by reducing real deprivation of liberty. This happens both through the use of probation and real punishment not related to isolation from society. This circumstance contributes to the urgency of the problem of increasing their effectiveness. The commission of a new crime by a convicted person (criminological recidivism) is an important criterion not only of the effectiveness of criminal punishment, but also of the organization of its execution. Among the important qualitative characteristics of this relapse to a criminal behavior is its structure. A sociological study of the nature of the crimes committed by "recidivists" was made. Its data were structured on the basis of the criminal motivation inherent to criminals, the degree of public danger of encroachment and the manner in which they were committed. As a result of analyzing the structure of criminological recidivism of persons sentenced to punishment and other measures not related to deprivation of liberty, conclusions were made about the

influence of the nature of the previous crime of perpetrators on their new crime if it had been committed. Criminological recidivism after conviction for theft, for crimes against the family and minors (usually represented by alimony evasion) has a high proportion of specialization from 57% to 63%, that is, after conviction, recidivists frequently violate the same rule of criminal law. Recidivism after deliberate violent encroachment on life and health is more differentiated and, consequently, tends to become general recidivism, which is explained by the situational nature of such crimes.

References

1. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy: kurs lektsiy* [Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zelinskiy, A.F. (1979) Struktura retsidiva [The structure of recidivism]. *Pravovedenie*. 5. pp. 65–68.
3. Kuznetsova, N.F. (1969) *Prestuplenie i prestupnost'* [A crime and crime]. Moscow: Moscow State University.
4. Igoshev, K.E. (1974) *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the personality of the criminal and motivation of criminal behavior]. Gorkiy: Izd-vo GVSh MVD SSSR.
5. Grishanin, P.F. (1974) *Otvetstvennost' prestupnikov-retsidivistov po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Responsibility of recidivists under the Soviet criminal law]. Moscow: RIO Akad. MVD SSSR.
6. Kudryavtsev, V.N. (1971) Struktura prestupnosti i sotsial'nye izmeneniya [The structure of crime and social change]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 102–107.
7. Gorodnyanskaya, V.V. (2012) *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary recidivism]. Moscow: Yurlitinform.
8. Khisamutdinov, F.R. & Shalagin, A.E. (2014) Osobennosti preduprezhdeniya professional'noy i retsidivnoy prestupnosti (istoriya i sovremennost') [Features of the prevention of professional and recurrent crime (history and modernity)]. *Vestnik Kazanskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 4(18). pp. 50–55.
9. Yakovlev, A.M. (1964) *Bor'ba s retsidivnoy prestupnost'yu* [The fight against recidivism]. Moscow: Nauka.
10. Starkov, O.V. (2004) *Kriminopenologiya* [Criminopenology]. Moscow: Ekzamen.
11. Byshevskiy, Yu.V. (1979) *Krazhi i ikh preduprezhdenie. Lektsiya* [Thefts and their prevention. A lecture]. Omsk: Izd-vo Om. VShM MVD SSSR.
12. Ol'khovik, N.V. (2015) Recidivism of convicts sentenced to imprisonment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 395. pp. 151–154. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/395/25